

Марта Паришкура

Адресат ТИНЫ

18+

Марта Паришкура

Адресат тины

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70598938

SelfPub; 2024

Аннотация

Я полагала, что никого Другого нет. Никто не мог дать мне нужное утешение, то теплое чувство, что разрушило бы оковы страдания и скорби. Никого, кроме Него не существовало, отчего моя страсть стала приносить лишь ошметки корявой, может быть, даже неправильной любви...

Марта Паришкура

Адресат тины

*Прежде чем вернуться в зиму,
Всегда я помню о весне
И только я её прошу: «помилуй»
Как в детском страшном сне:
Там оживает не природа,
А колющая, режущая боль.
И нежность небосвода
Заменена печальной белизной
И я кричу, прошу остановиться...
И вверх свои я подниму глаза
Увижу, как летят куда-то птицы
Ответ подскажет мне фриза
Я не хочу лить слёзы
И сердце ставить под удар.
Всё это – маленькие грёзы
Лишь детский мой кошмар.*

ЧАСТЬ I

Я поднимаю глаза на небо и вижу оборванные серые клочья, такие же покинутые, как и моё сердце. Периодически срывается снег, маленькие еле-заметные льдинки оседают на порванном мамином пальто, которое она отдала мне несколько недель назад. Она полагает, что ей больше не нуж-

ны вещи в этом мире. Мама умирает, и видеть её я не в силах, отчего полюбила ходить пешком по десятку километров в день, рассматривая дома, удивляясь искусным рукам многих архитекторов и реставраторов или же напротив – мысленно ругая дешевые стеклопластиковые балконы на исторических зданиях. Долгие прогулки верно служат мне временем, чтобы как можно позже возвращаться домой, а когда я всё же прихожу, то практически единственное моё занятие – бесцельное разглядывание потолка или корявые стихосложения без ритма, написанные таким же корявым и неразборчивым почерком. Дело было в адресате, которого я впервые встретила несколько месяцев назад: он стоял у витражей, увлеченный чтением сочинения Сартра об экзистенциализме. Когда я заговорила с ним, чтобы узнать его имя, он промолчал, подняв на меня уставшие и поникшие глаза, цвета обрамленного изумрудного камня.

Снова пишу, на конце – трюеточие
Подожди, милый, я ещё не закончила
И совсем не спалось этой ночью мне
Когда раны опять кровоточили

Изломанные крылья птички, —
Лекарствами, заботой напичканы.
Ей – судьба быть обезличенной,
Выходить за рамки приличия

В серенаде слышатся трещины
Кем мне быть? Поэтессой? Вещью ли?
Да, полагаю, я – глупая женщина
Белый саван носить мне обещано.

Когда мне становилось совсем тоскливо и больно, я звала его на прогулки. Первый раз мы встретились в холодный морозный день, когда вся земля была укутана плотным снежным покрывалом, таким необычным для нашей южной местности. Местом нашего свидания являлась старая и давным-давно забытая роща с небольшими холмами и мелководной рекой. Это был поистине прекрасный день! Мы случайно наткнулись на поломанную ледянку и не преминули ею воспользоваться, скатываясь с горок на большой скорости. Мы всеми силами пытались впасть в далёкое и забытое детство, где царили смех и веселье. Когда выдохлись, то нашли пристанище на огромных каменных плитах, похожих на дольмены. Мы сидели на них около двух часов, размышляя о всём, что придет в голову. Мы даже соревновались в том, кто сколько названий деревьев знает! Я надеялась, что до того, как снег растает, мы сможем покататься вновь; мне хотелось, чтобы тот день не заканчивался, потому что на следующий мне и дальше пришлось жить в рутине из мрака агонии матери... Прекрасная зима. Я думала, что никогда не смогу её ощутить, а тут хоть и один день – подарок мирозда-

ния. Жаль, что адресат моих стихов скоро покинет меня из-за предстоящей службы в армии. Он оставил философский факультет и любые увлечения этой наукой, и армия теперь его наказание.

И все же через несколько дней мне стало невыносимо больно и тяжело быть с матерью, что я как психина, сбежала на очередное свидание, захватив с собой ледянку. Мы покатались с ним снова – это было замечательно, не считая многочисленных синяков на моей смуглой коже. Адресат имеет неосязаемую подложку или что-то такое, отчего мне нестрашно с ним общаться, и, наверное, из нас двоих, создательница всех возможных авантюр – я. Мы переходили замершую реку по тонким бревнам, что скрипели и трещали под ногами.

Как жаль, что он скоро покинет меня! Я переживаю за него и хочу писать ему письма! Я сказала ему, что считаю его другом, но кого я обманываю? Я не считаю его просто другом. Что-то невнятное есть к нему в моем сердце. Возможно от того, что он – единственный, кто выслушал мою исповедь об умирающей матери, а может быть, потому что это обыкновенное чувство теплоты от приятной беседы с другом. Когда я смотрю на него, то мне одновременно по-детски страшно и неловко, но в то же время бесконечно хочется рассматривать его: запоминать каждую родинку, вкрапления цветов в его глазах, просвечивающиеся линии маленьких вен на его

висках. Как же он прекрасен! Если бы он был картиной, то я бы действительно бесконечно сидела и взирала на неё.

Сегодня мы встречаемся у старого советского магазина, чтобы вновь пойти на кладбище. Я вижу его! Он немного улыбается, и я тороплю себя, чтобы поскорее обнять его и вдохнуть его сладковатый восточный запах.

– Прости, я опоздал, – говорит он глубоким и низким голосом.

– Ничего страшного. Это никак не нарушает наших планов, – учтиво отвечаю я, исполняя своё желание прикоснуться к адресату. – Нам нужно идти на запад.

– С радостью. Как ты себя чувствуешь?

– Вот черт! Я вспомнила, что у меня завтра еще есть одно дело, но я совершенно ни к чему не готова, и мне кажется, что я не буду ничего делать, мне безразлично, но в то же время не безразлично, потому что нельзя расстраивать маму. Может быть, судьба будет милостива, но тогда это будет уж слишком вольготно для меня, и дело потеряет свой смысл.

– Похоже, что ты не можешь выбрать либо чувство вины, либо тревоги.

– А что же лучше?

– Зависит от личных предпочтений, у меня отсутствует чувство вины, поэтому я всегда предпочитаю первое, однако, тревога все равно проявляется, будто бы своим поступком показал слабость и, в сущности, он сделал меня уязвимым.

– Как ты смог отказаться от чувства вины?

Я замедляю шаг и внимательно на него смотрю. В его ярких глазах, словно весенняя трава, отражается даль уличного проспекта, а на густых темных ресницах оседает дорожная пыль вперемешку с льдинками. Он чувствует мой взгляд и поворачивается, вдыхая воздух, чтобы начать отвечать на мой вопрос. Я лишь люблю его красотой в это мгновение. У него правильные черты лица, будто бы он герой сентиментальных романов, но в то же время он напоминает мне факира или покинутого дервиша, что никак не обретёт свой путь, отчего и скитается туда, куда попало. Как же я не хочу, чтобы он оставлял меня здесь одну!

– Да я и не отказывался, оно само отсутствует. Я не поступаю плохо, потому что не хочу.

– Теперь ты напоминаешь мне нравственную теорию. Последние стадии, которые повествует о формировании морали. Если в первых двух мораль – есть что-то внешнее, какие-то определённые правила мира, которые человек должен или не должен соблюдать исходя из своих предпочтений, то на третьей стадии мораль выводится из самого субъекта, и он становится свободным и независимым.

– Так уж и быть. Ладно! Ты раскусила меня этой серьёзной тирадой, этим интересным отступлением, – он игриво поднимает руки, принимая поражение. – На самом деле чувство вины есть, но, когда я в зависимости, когда есть что-то более сильное, что способно его поддерживать, например, я чувствую вину, что не смог и дальше изучать философию из-

за скуки и бессмысленности жизни.

– Это обыденное чувство вины. Оно же и связано с тем явлением, когда мы не несём ответственности за свои обещания или, когда нарушаем определённые нормы... – я оста-навливаю речевой поток из-за усиливающегося снега, что превращается из маленьких льдинок в милые пушистые хлопья. – Как ты думаешь, существуют ли в нашей эпохе моральные нормы или же здесь все порицается иначе? Не считая, конечно, морали, которая закреплена в законе.

– Если мы живём в обществе, то нормы существуют и культивируется чувство вины, просто оно использует другие механизмы и основное внимание направлено на другие детали, – он прекращает шаг и с интересом оглядывается по сторонам. – Мы пришли?

– Да.

Никого, кроме нас и бродячих собак здесь нет. Снег продолжает идти, застилая нам дорогу своей прелестью. Необходимо помолчать, чтобы насладиться всей инфернальностью этого места. Материалистичный загробный мир. Мы идём чуть дальше вдоль галереи могил, и я замечаю новую, совсем свежую, украшенную красивым памятником из белого мрамора. Я лишь нервно улыбаюсь, читая эпитафию:

Ты была слишком светла для этого мира.

Ты жила, дышала, любила,

Детям своим отдавая тепло.

Верим, мама, что душа твоя будет достойной,

Жизнь продолжать в крае покойных.

– А знаешь! Мораль и вовсе просто набор догм, истины не существует, – он нежно берет меня за руку и отводит в сторону. – Тебе и готовиться не стоит. Смерть придёт не только к твоей матери, но и к тебе, и ко мне, как пришла к Берроузу или Николло Макиавелли.

– Бесспорно, – сдержанно отвечаю я. – Мы, наверное, все живём в обмане, но мне необходимо выбрать какой из них слаще и привлекательней. Проще выбрать себе форму жизни и морали, чем думать о том же дуализме всего, что происходит... Но каждый раз осознание того, что я не буду жить снова – меня пугает...

– Единожды – значит никогда.

– Я просто хочу жить! И порою боюсь, что Бог на самом деле существует.

– Почему? – он обнажает белые ровные зубы в лёгкой усмешке. – Раз ты имеешь эту тревогу, значит, часть твоей природы желает верить.

– Не совсем. Я долгое время не находила достойных ответов на глупые вопросы: "Почему невинные дети в детдоме страдают?", "Почему женщина, сделавшая аборт после насилия над ней, – грешница?", "Почему человек совершающий поступки в соответствии с мерилom библейской морали, но не верующий в Бога, попадет в ад?", "Почему, если преступник раскается, Бог его простит и пустит в рай, а если ты не простишь этого обидчика, то не попадешь в рай?" Я много

раз спрашивала разных верующих о том, почему они поверили в Бога, задавала те вопросы и у меня есть два любимых ответа: "Иисус сказал ему: "Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим. Сия есть первая и наибольшая заповедь. Вторая же подобная ей: "Возлюби ближнего твоего, как самого себя. На сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки." Этот ответ говорит о том, что вера в Бога первична, а остальное обесценено и не подлежит рассмотрению. Я посчитала это непонятным, я долго думала, черт, ну почему именно так? Почему? Я пыталась примерить на Бога черты обычного человека, и только одна мысль приходила ко мне, что это жалкая гордыня, но ведь очевидно понятно, что Бог трансцендентен и никак не может обладать человеческими качествами и пороками, отчего это – глупые мысли, и ответа на это терзание у меня нет. А второй, довольно специфичный ответ, мне высказала моя приятельница, которая пришла к вере после того, как была феминисткой, но отказалась от подобного и вернулась к консерватизму: "Я верю в Бога потому что я хочу безопасности и надёжности в том, что будет после смерти. Я соблюдаю все заповеди, читаю Библию и молюсь, чтобы быть уверенной, что я попаду в рай." Я поняла это как своеобразную сделку, забавно. Добро взамен за место в раю и вечное блаженство... Посмотри на наш мир, Бог дал людям свободу воли, но тем не менее он не воздаст справедливости за деяния своих рабов, он лишает жизни

тех, кто не хотел умирать, он заставляет страдать тех, кто никому не причинял зла. Если он действительно существует, я не выдержу подобного кошмара и добровольно отправлю себя в ад.

– Я не полностью согласен с твоими тезисами. Бог дал нам полную свободу воли, отчего и не пытается нарушить ход вещей, которые мы сами себе творим. Тот ужас, тот мрак, те страдания, что мы испытываем в этом мире, и есть результат нашего желания – обретения свободы воли. Мы её и пожинаяем, – он хмурит брови и тянется рукой к кипарисовой веточке. – Ну, а ещё вера – хороший антидепрессант.

– Ах, ну и в чём тогда заключается сила молитв? Сила раскаяния и покаяния?

Адресат смеется и срывает ветку, оглядываясь на мусульманский квартал, в который мы забрели. Я собираюсь забрать у него нещадный кусок дерева и взглядом умоляю продолжить нашу дискуссию, но он лишь улыбается, а через мгновение и вовсе пытается расчесать веточкой кипариса мои запутанные волосы, намокшие из-за лёгкого снегопада, что уже подходит к концу. Мне неловко и странно принимать такое внимание.

Он смотрит на меня так нежно и открыто, но в то же время мне никак не разгадать его взгляда, будто бы за этой зелёной пеленой скрывается нечто невероятно страшное и печальное. Мне кажется, что за это мгновение я смогла заглянуть в его нутро, дотронуться до него и увидеть его душу, и всё то,

что есть у него внутри, меня так испугало, не понравилось мне, что я должна отказаться принимать его как человека...

– Ты же пишешь стихи, – он прерывает мою мысль, оставляя ветку покоится на моих волосах. – Прodeкламируй что-нибудь, пожалуйста.

– На пути по искаженьям
И препятствие – трельяж,
Томным сладким пеньем
Разразился паж.
А везде лежат осколки...
Нам так больно! Нам так горько!
Паж поёт о лете бойком,
О реке, о ветвях в топке.
И огонь в глазах троится,
Отраженье в зеркалах!
Паж взял помощь у синицы,
Птица у него в руках!
И поют они ту песню,
Дар природе отдают.
Дивно, нежно и так лестно
Создают нам тут уют.

Я произношу последний звук, ставя точку в декламации, а он тут же бросается ко мне и крепко обнимает. Он гладит меня по спине и по волосам, накручивая их на свои пальцы и делая их ещё более запутанными. Сколько можно так стоять? Я ощущаю безопасность от его рук, хоть и совер-

шенно немужественных, тонких, как у девицы-аристократки, но в эту минуту самых приятных. Делая попытку отстраниться от него, я попадаю в ловушку. Адресат целует меня. Я слишком скованна неожиданностью его ласки, отчего совершенно неловко отвечаю ему, изучая его. Робкие поцелуи постепенно превращаются в более страстные и безумные. Я чувствую, как моё тело охватывает неизведанная мне ранее дрожь, как мой разум расплывается в странном омуте неизведанной теплоты и горечи. Я с отчаянием отдаю ему всю нежность, что у меня есть, и взамен желаю получить крупицу спокойствия.

Он прерывает ласку, тяжело дышит и смотрит на меня неуверенным взглядом, будто бы не он поддался страсти, а я. Невозможно полноценно наслаждаться моментом любви, когда вмиг возвращается воспоминание об агонии матери и о том, что через треть года адресат меня покинет!

– Творчество – бесконечный мост искренности, – произносит он с восхищением и жадно целует меня в щеку.

– Ко мне сейчас пришла мысль, что я была бы счастлива жить при древней морали, мне нравится их общество, оно мне кажется более человеколюбивым, чем то, в котором мы живём сейчас.

– Парадоксально. Тебе правда понравилось бы жить в обществе, где правовая система была крепко переплетена с жреческой культурой?

– Мне кажется более логичным верить в духов, чем в кол-

дуна-мертвеца.

– Колдун-мертвец – это Иисус что ли?

– Да! – я заливаюсь добрым смехом. – Ну правда же! Я не могу понять, как христиане, изучая историю да того же Ветхого завета или просто на просто древние общества или античную культуру, могут верить в Иисуса Христа? Особенно, когда ты читаешь Библию и понимаешь, что большая её часть – это рассказы о истории Аравийского полуострова или же альманахи древневосточной литературы.

– Милая, ну если до невозможности упростить, то следуя твоей логике, христиане верят в человека с задокументированными сверхспособностями, который жил треть мира назад? – он улыбается и поднимает глаза в небо, изучая его на предмет серых туч. – Какая же ты грубая и вульгарная по отношению к христианам! Это же не историческая истина – это последствия абстрагирования Бога, осложнения концепта верований. Да, бесспорно, во многих обществах остаётся и вера в духов, в христианстве она тоже присутствует... Да нет! Можно даже заговорить совершенно с другой стороны, – восторженно заявляет адресат и хватает меня за обе руки. – Нужно поговорить о цивилизации и культуре, так как между ними постепенно происходит разделение, отчего предтечей установления христианства является платонизм. Христианство очень хорошо на него легло со своим понятием единого, единого которое манирует, и которое нам представляет что-либо в этом мире. Это представлено Отцом, что рождает

Сына, и Святым Духом, который окутывает их. Это всё последствия развития цивилизации, так как духи перестали играть для нее какую-то роль, нежели справление культа. Это проще и лучше для развития государства. Можно вспомнить Цицерона, который говорил, что религия – есть культ почитания Богов.

– Христиане, получается, в ловушке цивилизационного развития. Твой ответ слишком теоретичен. Будто бы я не осознаю того, что религия даёт прикладную этику и поддерживает высокое положение человека за счёт влияния на его чувственную сферу познания. Но это доля религии, я же удивляюсь вере.

– А какой ещё ответ ты от меня ждёшь? Ничего не мешает следовать религиозным догмам, отрицая веру... Ты слишком много размышляешь.

– Много?

– Знаешь, я не вижу в тебе тот классический и привычный образ женщины, – ласково говорит он и неуверенным движением целует тыльную сторону моей ладони. – Ты отличаешься от всех других женщин, что я встречал. Ты умнее их. Ты очень изысканная. Я не могу в полной мере сказать, что остерегаюсь тебя, скорее, испытываю осведомленность и неясную страсть. Ты можешь повернуть многое, если только захочешь.

– Ты наделяешь меня несуществующими чертами. Зачем?

– Разве? Я говорю лишь о своих чувствах.

– Прости, – я мотаю головой, сдерживая царящие в голове мысли, что могут ранить его, если я скажу хоть слово.

– Ничего страшного. Я считаю тебя равной себе, но это столь необычно и трепетно, что мне сложно подобрать правильные слова. Я испытываю к тебе уважение в силу твоих знаний и интеллекта.

ЧАСТЬ II

Не взлететь, не упасть, – обнажиться
Я не резвая птица, не лиса и не кошка
У меня в руках прялка и спицы
Я из льна, из хлопка плету понарошку

Не кричать, не молчать, – а раздеться
Я не тряпичная кукла, не статуя и не фреска
Передо тобою рассказ – моё интермеццо
Мне так больно, печально и тесно

Не пою, не играю, не слышу, – молю
Я не дерево, не игла, не рабатка
Черноту, гниль души отдаю углю
Ты и Ницше, и Сартр, и Кафка, —
Как на полке стоишь надо мной,
И с коварной улыбкой взирая:

Не терзания, не любовь, а покой
Равнодушие, безразличие, – боль любая.

Простирается, кается черный прибор
Треть души, треть тепла у меня забирая.

Я устала. Я изрезала своё лицо и руки. Никогда не думала, что дойду до такого, при этом не чувствуя никакой физической боли. Я проявляла слабость и снова вела себя как ничемная псина, потому что сбегала из дома, чтобы не видеть страдания матери. Я люблю её! Но я не могу быть рядом с ней. Мне слишком больно и тошно от осознания близости её смерти, но в то же время я понимаю насколько мои поступки мерзкие и малодушные. Я должна переступить через себя и быть с ней столько, сколько осталось. Недавно мама зачитывала своё завещание. Её голос был мягок и спокоен, она не плакала. Но после её речи я ощутила окончательную черту и отсутствие смысла даже дышать в это мгновение. Это чувство стало настолько ярким, что я никак не могла его затмить. Я эгоистично сказала ей, что всё это невероятно жутко и, что мне больно, а она лишь вздохнула и продолжила: "Я думаю ты сильный человек."

Нет! Вовсе нет! Мои воспоминания перепутались, но я отчетливо помню, что в тот день должна была быть университетская лекция, но на перерыве я в какой-то момент села на подоконник и открыла окно на пятом этаже. Я периодически

смотрела вниз на асфальт и ощущала невероятное чувство страха жить дальше. После этого меня стали сильно мучить кошмары, но я не запомнила толком их содержания, даже образов, которые до сих пор являются. Во снах всегда бесконечно жарко и никак невозможно унять это ужасное переживание. Словно мне не хватает места на постели, всё тело сжимает в невидимых тисках, отчего просыпаюсь я уставшей, с ощущением тяжести и ноющей болью в висках...

Несколько недель назад адресат прислал мне письмо:

"Я недавно услышал песню на английском языке и вспомнил тебя. Там была притча про Кису и Будду. У Кисы умер ребёнок, и стала она ходить по деревне, стучаться в дома и просить помощи для того, чтобы вылечить ребёнка. Односельчане отвечали ей, что её ребёнок умер и его следует похоронить. От таких советов Киса отчаялась и попросила помощи у Будды, и он согласился ей помочь, наказав собрать у каждого дома, где никто не умирал, маковые зерна, чтобы получилась горсть и из этой горсти сварить лечебный отвар для ребёнка. Киса была рада и снова ходила по домам в деревне. Она обошла все дома и не смогла собрать ни одного зернышка, потому что все кого-то теряют. Невозвратно теряют! И ничего невозможно с этим поделать. Всем больно, и всем придётся пройти через смерть... Киса же приняла смерть своего ребёнка и похоронила его.

Ты тоже сможешь!

Прости, я не могу говорить много важного вовремя и пря-

мо из-за своего малодушия, с другой стороны, мне кажется жестоким и грубым говорить о важном в письме, но я не могу тебя больше тяготить молчанием.

Я очень не хочу делать тебе больно, понимая всю значимость для тебя нашего общения, еще потому что я правда считаю тебя хорошим человеком, и я не хочу причинять страдания хорошим людям, заставляя их сомневаться в себе, давать себе неправильные оценки и прочее. Но, очевидно, строить невозмутимый вид все время не получится...

Я не испытываю к тебе любовных чувств. Я даже не знаю, что еще добавить к этому. Но ничего более это не значит, и никак негативно не влияет на мое отношение к тебе. В связи с написанным мне еще труднее понять, что произошло в тот день на кладбище, и как мне к этому относиться. Прости."

Его слова – как удушающая пытка. Я почувствовала себя сухой веткой, лежащей на тропинке в роще, по которой он прошелся и попрыгал, чтобы услышать хруст. Всё наши прошедшие встречи после получения письма – пустые, в них не было совершенно никакой мысли, только напряженное и гнетущее давление. Моё тело сжималось, как только он пытался по-дружески обнять меня или коснуться моей щеки, чтобы стереть вечно катящиеся слёзы. Адресат стал сниться мне в кошмарных снах, сливаясь с неясными и потерянными образами, но я искренне пытаюсь найти в них свет, хоть что-то доброе и приятное. Любовь – удивительное и прекрас-

ное явление. Если я способна любить, значит я не одинока, значит я жива, ведь любовь, зачастую, сопряжена с разными эмоциями: гордостью, волнением, радостью, болью, вожделением. Пока я чувствую хоть что-то в своей импровизированной душе или сердце – я жива!

Сегодня мы встречаемся с ним последний раз перед его уходом на службу. Я пригласила его погостить у меня в саду. Я не смогу никогда и никем его заменить! Забавно вновь вдаваться в любовные грёзы, когда я до сих пор для себя не разрешила вопрос существования Бога. Разве если человек во что-то верит без сомнения, он свободен? Не имею ответов. Я немного схожу с ума! Постоянно думаю только об адресате. Я могу назвать прогулку на кладбище одной из самых счастливых в моей жизни. Невозможно без трепета в сердце вспоминать его прикосновения. Мои ощущения похожи на бесконечное колесо, что совершает мириады оборотов в минуту, прокручивая на спицах разные чувственные переживания...

Сегодня день летнего солнцестояния. Он встречает меня в старом и пыльном троллейбусе и раскрывает руки в объятия. Я принимаю эту злосчастную ласку и случайно замечаю, что тополиный пух летает по салону транспортного средства. Окна открыты.

- Ты осуждаешь легкомысленные связи? – резко спрашиваю я и тут же убираю руки с его худых плеч.
- Это восприятие человека как средства, а не как цели. Не

скажу, что мне это близко... – он запинается и сглатывает слюну. – Этот вопрос касается тебя, поэтому я не хочу говорить. Или... Или...

– Или что?

– Ладно, тут нет никаких запутанных умозаключений. Ты ждёшь ответов больше, чем я давал тебе ранее. Я просто принял твоё хорошее отношение ко мне как симпатию и возомнил, что могу так легкомысленно и высокомерно с тобой обращаться.

– Желание быть честной в этой жизни неизменно ведёт к провалу. К сожалению, у меня до сих пор появляются надежды, так как я довольно молода, и мне хочется жить как все, но по сути это ведь сухая блажь, смешанная с гнилью и грязью после дождя, которая ничего не означает...

– Нам нужно выйти из троллейбуса, – требовательно говорит, перебивая меня на последнем слове.

– Верно.

Когда ветер превышает отметку в семь или восемь метров в секунду, то тополиный пух летит словно снежные хлопья, так небрежно танцующие в воздухе. Я смотрю и застываю, не могу оторваться от удивительного символизма природных явлений, будто я одна на всей Земле стою посреди широкой аллеи и отчаянно представляю снежинки, вместо пушинок... Наверное, так не бывает, я напрасно думала, что смогу совладать с собой при серьёзных откровенных ситуациях, при глубоких переживаниях. Я не такая же, как и осталь-

ные женщины? Я же умная и красивая, может и вовсе прекрасная, и не то, чтобы это была гордыня или бредни тщеславия, – это была любовь к себе, ведь никто не хочет быть отвергнутым, разбивая сердце на мириады осколков, никто не хочет страдать и испытывать горечь потери близкого человека.

– Мне пришла в голову идея, что мы, в сущности, не отличаемся от преступников, над какими другие желают устроить самосуд, – говорит он, открывая калитку и рассеивая мои мысли. – Это всегда занятно, как витьевата норма и как она разит: одно мы принимаем безапелляционно, а другое, будто сноски.

Вокруг нас летний цветочный сад, что может быть прекраснее?

– Я не считаю, что мы преступники, но мы с тобой определенно заслуживаем презрения со стороны морали.

– А разницы нет между преступниками и нарушителями морали, здесь тонкая грань.

Так что где-то мы хуже тех, кого принимаем за преступников, норма – очень интересная штука. Мы, как минимум, ничем не отличаемся, мы тоже должны быть в тюрьме или психбольнице, в этих сортировочных местах для излишних.

– Поэтому нужно притворяться, – я улыбаюсь и грубо касаюсь его волос.

– Нет, не нужно.

– Ну иначе не получается.

– Вполне себе получается, – обиженно говорит он и отстраняется от моих рук.

– Ты не можешь понять, что вся выведенная людьми социально-ролевая мораль отвечает лишь за комфорт мужчин, показывает ему путь, а женщине остаётся подчинение. А я не хочу подчиняться! И от моего нежелания следовать норме, ты и сам перестал видеть во мне женщину! И знаешь, даже для Евы добро и зло то же самое, что и для Адама, а это в корне неверно и неправильно, отчего умным женщинам и приходится для собственного счастья выбирать себе иную модель поведения.

– Я завидую твоей рациональности, – адресат усмехается. – Зачем тогда женщине эта настоящая жизнь, зачем ей стремиться к правде, если это принесёт ей лишь страдания? Не проще следовать правилам о чувствах и выбирать более одобряемые модели поведения?

– Странный вопрос. Без чувств жизнь не имеет смысла. Умение любить, ненавидеть, завидовать – это благо и свет для любого человека. Не стоит считаться с выдуманными образами женщин в твоей голове, если ты говоришь со мной, а я настоящая.

– Аха-ха-ха, ты такая же фашистка, как и я, – он задорно смеётся. – Морали и нравственности в тебе нет, поскольку понятие о правильном ты составляешь сама и сама меряешь.

– Ты упрекаешь меня в безнравственном понимании морали...

– Глупышка моя, нравственность функционирует в рамках морали. Сама по себе мораль не бывает нравственной. А ты умеешь прощать людей? Можешь ты простить себя за то, что тебя нет рядом с матерью?

– Не могу и не умею. Ты же знаешь ответ, – я на мгновение теряюсь и отвечаю ему скомкано.

– А я полностью солидарен с Ницше, и нахожу обиду на самого себя тем карликом, сидящим на спине, это груз и тяжесть, что тянет вниз и ограждает от творения ценностей. Точнее, делает ценности испорченными, слабыми и ничтожными. Ты ведь понимаешь, что, оставив обиду на себя, ты перестанешь быть жертвой? Ты обретёшь власть, станешь свободной и своевольной.

– Я думаю, что подобное суждение по поводу обиды является связанным с христианской этикой, так как ницшеанская мысль эквивалентна библейской морали, хоть и преподносится по-разному. Груз, грех, лишнее, грязное, тяжелое, порочное – это одно и то же. Например, я рассматриваю обиду как естественную социальную потребность, да даже та месть естественна, ведь является составной ненависти, равнозначной заботе и вниманию, полагаю, что эти явления представляют собою части проявления чувства любви. Это же совершенство, ненависть и любовь, бесконечные противоположности, яркие чувства, зачем лишать себя одного из них? Зачем обделять себя и становится "выше" груза, греха? Я не понимаю, я уверена в том, что оба эти чувства и все их раз-

личные проявления необходимы для полноценной жизни человека.

– Разница христианства, что оно строит отказ от обиды, поскольку оно желает быть слабым для мира сего и презирает, пытая и низводя свою плоть. Ницшеанство признает обиду, скорее, воспринимаем рессентимента, оскорблённого высокомерия, которое бывает исключительно у слабого перед сильным, а акт мести – попытка компенсировать. Ценности мести – ценности слабого и ничтожного. В данном ключе. Поэтому необходимо быть по ту сторону обиды и мести, но не вынуждая и пересиливая себя, ты не должен испытывать обиды сам по себе, поскольку не воспринимаешь другого, как того, кто способен уязвить себя.

– Ницшеанство очень высокомерно, – тяжело отвечаю я, ощущая разочарование. – Будто бы это звучит так, что ты не должен испытывать чувство любви, поскольку не воспринимаешь другого, как того, кто способен быть достойным и равным тебе.

– Именно так. Любовь – это слабость.

– Конечно же нет! – рассерженно говорю я. – То, что ты избираешь свой путь познания свободы через деморализацию отрицание чувств, в самом деле, совершенно не созидательное и ограниченное поведение. Свобода – есть дисциплина, личная сформировавшаяся этика, с помощью которой человеку удастся преодолевать и развивать себя вне зависимости от общественной этики и присущих ей норм. Ес-

ли ты не умеешь воспринимать людей с иными восприятиями или чувственными аффектами эгалитарным образом, то мне приходится приписывать твоим системам фашистский толк, а дальше пути никакого нет. Общаться с человеком, который решил или "почувствовал", что он выше тебя, и желает обращаться высокомерно по одному лишь страстному желанию... – моя речь становится все более и более сбивчивой. – Для этого всего лишь нужно использовать определенные паттерны поведения... Всё это – есть твоё действительное нежелание и нехотение увидеть во мне человека, а не выдуманный какой-то образ недоженщины...

– Свободных взаимоотношений с рабами не бывает, последними словами ты дальше загоняешь себя в рабство. Ты начинаешь всё интерпретировать в пользу своей системы, ты не видишь других людей субъектами, потому что они должны быть правильными субъектами, лежащими в твою теорию о мировом зле и добре, но, когда нет, ты их обвиняешь, даже когда они допускают благородство. Ты допустила обвинение. Ты впала в ту же оборону. Всегда было два варианта раскрытия, однако ты пришла к одному легкому выводу – обвинению меня. Если я тебе сказал это, значит, не пожелал тебя видеть рабыней, но, к сожалению, изнутри это не искоренить. Тебе глупо меня обвинять, указывать на мою жестокость, ведь ты меня постоянно используешь для утешения. Ты винишь мир в страданиях, без которых сама бы не смогла его видеть. Следовательно, он нужен лишь для обвинений, –

он не успевает вдохнуть воздух, так как говорит слишком нервно и быстро. – Я тебя уважаю все равно и тем не менее, считаю тебя умной и элегантной.

– Я наоборот пыталась обратить твоё внимание на мораль и перестать отрицать эту этическую категорию. Нет никакого обвинения.

– Мораль относительна, она существует искусственным образом, ты смеешься над моралью христиан, но действительно, откуда ты имеешь право это делать – я не обвиняю, а хочу понять – ежели сама имеешь мораль и такая же людоедка со взгляда другого. Чем твоя мораль лучше другой? Это все суета, борьба в луже, где каждый обвиняет друг друга в пожирании людей. И, мне кажется, я зашёл в зону морального, как решил тебя не обманывать и не скрывать, потому что, повторяю, тебя уважаю и не считаю тебя достойной быть мне рабыней, но я не беру слова обратно: как кто-то говорит о морали, он пытается вас убить. Нельзя признавать, что морали бывают разные, конечно, лишь на каком-то внутри понятийном уровне, но всякое признательные отношение к ней равносильно геноциду, потому что мораль порождает другого, который аморален, экзотичен и которого мы презираем, либо относимся со снисхождением. Я не хочу использовать моральную мембрану, чтобы врать другим, подобно тому, как в смерти Ивана Ильича никто, кроме Герасима, не говорил ему, что он умирает – из-за морали. И только в рамках этого низкого морального уровня существу-

ет несоизмеримость, но в ней не рождается свобода, люди лишь лицемерно замалчивают презрение друг к другу и прячут конфликт, чтобы жить якобы в комфортном обществе, а потом их забивают, как свиней, подобные мне люди, те самые психопаты, создающие рамки и правила. Однако я пытаюсь избегать этого и не желаю окончательно убеждаться в нужде врать и порождать мораль. Да и те, кто верит в мораль, никогда ее не создавали, ее продвигают имморалисты.

– Ты радикализируешь и сводишь мораль к признаку иерархии.

– Потому что она так зародилась. Вот и все, – строго говорит адресат. – Мораль нужна, чтобы управлять.

– Мораль нужна для гармонии между людьми!

– Гармонизации управления ими, а те, кто ее создают, по ту сторону, они управляющие. Мораль нужна, чтобы скрывать природу других людей, чтобы обрезать их острые углы, и, когда тебе надо, ты признаешь это, рассуждая о тех же христианах, как бы смеясь над ними. Просто мораль христиан устарела, она тебе смешна.

– Можно смеяться над этикой другого, но ставить ее ниже или выше собственной – кощунство. Жизнь – не иерархия, в ней нет власти, которую ты жаждешь найти и обладать ею.

– Ты ставишь их ниже, не ври, пожалуйста, – его голос становится мягким и нежным, отчего я вмиг обращаю свой взгляд на него. – Ты считаешь их людоедами и считаешь, что они глупые, раз ограничивают себя. Я подобным образом от-

ношушь ко всем просто.

Он улыбается и пытается успокоить дыхание после бурной речи. Я внимательно смотрю в его пронзительные глаза, чей цвет подчеркивает пространство вокруг. Желая считать эмоции адресата, я пристально вглядываюсь в его радужку, но вместо этого наблюдаю лишь прелесть четких прожилок зеленого и бирюзового цветов. Красота адресата губительна. От легкой растерянности я киваю ему головой и ложусь на ромашки, ощущая, как их лепестки непривычно щекочат кожу. Он последовал за мной.

– А что тогда по-твоему жизнь, если не власть и не соревнование, которое выражается в любом формате?

– Казуальность, – тихо отвечаю я и поворачиваюсь к нему.

Мы объаты опьяняющим запахом цветов, растущих вокруг нас. Я срываю ромашку и начинаю понемногу срывать лепестки. Гадать не имеет смысла, я посчитала их количество перед разрушительной практикой. Кажется, что я практически не имею никаких сил на спор с адресатом. Он это чувствует и смотрит на меня с снисхождением, а затем ложится мне грудь и аккуратно проводит пальцами по ключицам, будто желает поиграть с моими костями. Мы замираем в этом мгновении, окружённые вечерней прохладой и умиротворением перед чистой звездной ночью. Сад живет и трепещет от тёплого летнего ветра и неожиданных гостей в лице грызунов и ежей, а кроны деревьев скрипят и невольно напоминают мне о сказках детства...

– У тебя есть стихи про казуальность?

– Больше о боли.

– Прочти, – ласково говорит он. – Если мне понравится, я тебя поцелую.

– Не больно, не страшно – печально

Подаю им сердце отчаянно

Свет. Мрак. Вот она – тайна

За завесой мечтания

Слова, буквы – забудь

Мысли и в лёгких ртуть

Плачет, просится в путь

Можно на них взглянуть?

Острые, нежные – их руки

Осторожно, целуя со скукой

Холодно, тошно – услуга

Плата – несчастные звуки

Мои вопли, крики – блаженство

Столько мелодий, им тесно

Извилистый, чёрный – их вензель

Мне ноты неинтересны

Не рубин, не сапфир – изумруд

Надеваю кольцо на суд

Где надежды мои упадут

И вера закончится

сточится

Как камень о воду

вера об лёд

И никто

и ничто
меня не спасёт.

– Красиво, – он приподнимается и с интересом изучает меня, словно видит впервые.

– Так тебе нравится?

Я не получаю ответа на свой вопрос, получаю лишь его дикую страсть в поцелуе, коим он объял мои сухие потрескавшиеся губы. У меня содрогается сердце. Его руки особенные, словно я нахожусь в Сахаре, а его прикосновения – купание в оазисе или мираж, что может быть навсегда утерян. Я была настолько одинокой и покинутой, высушенной и пустой до встречи. У меня ничего не было! Это он! Он дал мне всё, о чем только можно мечтать живой душе: страсть, любовь, азарт, терпение, вдохновение, злость, смирение, похоть, восхищение, спокойствие и безумие...

Я чувствую напряжение внизу живота от его нежных пальцев, ласкающих мою шею, и погружаюсь полностью в это сладострастное желание. Мне спокойно рядом с ним. Я нежно глажу его по щеке, медленно вожу пальца по его лицу, а он в исступлении следит за каждым моим движением. Запах цветов смешивается с феромонами адресата, и я начинаю жадно раскрашивать его шею поцелуями, ощущая себя бесконечно на своём месте. Я забываюсь, отдаюсь времени, я ничего не вижу, не слышу и не до конца верю в реальность, будто бы

эта возвышенность любовного переживания окрыляет и отцепляет от действительности.

Я просыпаюсь и не вижу его. Только моё тело по-прежнему ощущает его былое присутствие. Но на моём чёрном платье лежит небольшой свёрток бумаги. Испугавшись, что это всё, что осталось у меня от адресата, я поспешно разворачиваю листок и из-за моей неаккуратности чуть ли не рву его:

"Когда-нибудь мы попадём в место, где всегда можно будет скатываться с горки на санках или кто-то сделает это вместо нас. Когда-нибудь и мимо наших могил пройдут два молодых человека и поразмышляют, кем же мы были. И так вечно. По кругу. Если ты спросишь, что для меня Рай, то я отвечу, что Рай – это бесконечный спуск на ледянке вдоль галерей надгробий.

Если честно, общаться с тобой так открыто и искренне, я начал от скуки, отчего и не думал существенным образом о следствии моих слов или действий. Ты человек с добрым сердцем, но и достаточно терпимый к нестандартным и кощунственным мыслям. И я рад, что наше общение зашло дальше, чем приятельские беседы о метафизике. Ты стала для меня хорошим и верным Другом, и хоть я и полагаю, что дальше не будет лучше, но я верю, что ты сможешь преодолеть все свои трудности. Твоя мама поправится, и твои слезы обернутся в радостную улыбку, а печальные аллитерации в радостные ассонансы!

Прости меня, за всю боль, что я тебе причинил."

И я отвечу! Конечно же отвечу! Всё мои чувства переполнены любовью и печалью, страстью и горечью, удушающем чувством жизни и гнилой смерти.

"Мой дорогой А.

Как быстро прошло время с тех пор, как мы с тобой начали общаться. Комично, что ты просто согласился разделить наслаждение морозного и снежного дня, так на одну случайную встречу. Невозможно ничего предсказать, наверное, в этом и состоит прелесть жизни. Я понимаю, что бессмысленно говорить тебе, что годовая служба – это не тюрьма, но всё же я искренне желаю, чтобы ты смог найти что-то положительное, что-то приносящее полезный опыт, потому что даже ад можно счесть хорошим местом, ведь там страдают грешники. И я надеюсь, что и книги тебе удастся прочесть.

В самом деле ты невероятно умный человек, я восхищаюсь тобой, твоими знаниями и умением анализировать, твоей речью и мыслями, которыми ты делился, несмотря на то, что некоторые из них я не понимала, но старалась понять, и некоторые меня пугали. Я чувствую, что ты переживаешь, но всё же год не изменит твоего высокого интеллектуального развития, ты не сможешь стать хуже, даже если захочешь, потому что сознание определя-

ет бытие. Ты сможешь приспособиться к новым обстоятельствам и справишься с трудностями, которые будут на службе.

Я верю, ты останешься прежним, твоя душа останется прежней, лишь поменяет внешнюю составляющую, образ, в котором предстоит перед нашим обществом. Иногда мне кажется, что страдание – это ключ, чтобы жить, и он достаётся лучшим людям этого мира... Ты отличный учитель, ставший мне незримой опорой. Ты смог преподнести мне окружающую действительность с другой стороны, избавил меня от многих моральных дилемм, дал осознание и понимание того, что я имею право существовать. Как за это тебя благодарить – я не знаю, у тебя и так есть моё сердце.

Так как ничего предсказать нельзя; казуальность мира лишила нас этой возможности, я надеюсь, что в течение последующих триста шестидесяти пяти дней мы останемся живы, и когда ты вернёшься, мы вновь пройдемся по красивым некрополям, и я продекламирую тебе свои новые стихотворения, надеюсь, что более радостные.

Прошу тебя, не сдавайся и не отчаивайся, что бы тебя не терзало. Не теряйся и не спеши в никуда, что бы тебя не искушало.

С любовью, твоя Тина. "

ЧАСТЬ III

В начале месяца рано утром умерла моя мама. Лучший в мире человек, замечательная, добрая, сострадающая женщина. Идеал, которого невозможно достичь. Мне был необходим сон в ту ночь, я искала надежды хотя бы в нем избавиться от кошмаров наяву, но ничего не помогало. Верно, это было предчувствие, ведь утренняя весть изранила меня, что я валялась на паркете несколько часов. Потом дали указание собрать одежду в чем будут хоронить маму. Я решила, что мамочка будет похоронена в чёрном кружевном белье, бордовом платье, чулках телесного цвета и классических чёрных туфлях. Я видела, что он собирала подобные образы, надеюсь, что ей понравилось. Я не верила, что её больше нет. Это какой-то длинный и ужасный сон, что стал вечным. Я рылась в её вещах и думаю, что она не против, ведь я её дочь, единственная и любимая дочь. Я думала, что она смотрит на меня, она сейчас рядом. Я так мечтаю взять её за руку, поцеловать её, ощутить её особенное тепло. Но теперь нежность материнских рук, её объятия – невообразимая роскошь, счастье, блаженство, настоящий рай на Земле. Надеюсь, что она простила меня за всё мною неправильное отношение, за то, что я не смогла дать ей столько поддержки, сколько было необходимо. Я молила Бога или несуществующие силы, чтобы она услышала и простила меня. Мама, я так любила тебя! Я знаю, что она тоже меня любила, что не желала прощаться с жизнью так рано...

Мне казалось, что всё происходящее – сон. У меня ломало тело, путались мысли и чувства. Ощущение, что моя душа горела в аду. Самом настоящем несправедливом и страшном месте. Странно, конечно, называть ад несправедливым местом, наоборот, это жизнь несправедливая и пугающая. Похороны родной матери – больно до безумия. Не могу посчитать времени сколько выдерживало мое сердце, пока носильщики пронесли ее гроб мимо меня, как ветер последний раз ласкал ее уже холодную и гниющую кожу. Разве я могла что-то чувствовать, глядя на неё в гробу? В память врезалась её пугающая натянутая улыбка, невнятные белила на лице, будто сценический грим. Я не видела в этой покойнице свою мать! Может быть, всю жизнь я видела души людей? Тогда в гробу просто оболочка. Оболочка, которой когда-то принадлежала душа моей матери.

Мне хватило, непонятно почему, сил, чтобы не упасть в обморок или не устроить истерику, не упасть на землю рядом с пустой могилой... Я вела себя сдержанно, хотя меня разедала боль, словно черви, поедающие мои внутренности. Я стояла на коленях перед её гробом и дотронулась до её окаменевшего тела, прошептав, что буду любить её вечно. Самый ужасный звук – это стук земли о крышку гроба, который сначала есть, а затем его нет, и земля уже просто сыпется.

Из-за дня в день я думала о том, что пространство вокруг меня такое тесное, мир тесен, и эта теснота душила. Я понятия не имела, как избавиться от этого: либо не спала ночами

от бессонницы, либо не могла проснуться. Будто бы я погрузалась под воду, просыпалась на несколько секунд или минут, пыталась понять, где я и кто я, смотрела на часы, а после неосознанно снова на час или на два погружалась в пустоту или очередной кошмар... И я понимала, что это уже сон, я понимала, что нужно проснуться, но просто не в силах...

Я – человек в обществе, но при этом я не чувствую никакой стены сзади себя, словно там лестница такая маленькая и крутая, что если я оступлюсь, то упаду и разобьюсь насмерть.

Это ясное состояние теперь извечно со мной, а единственный, кто мог бы помочь мне, явился в кошмарном сне: мы лежали на топчане, моя голова покоилась на его груди, затем я плакала и пыталась расцеловать его, чтобы отвлечь от творящегося вокруг ужаса, а он остановил меня и сухо произнес: "Ты ублажаешь меня не ради моего утешения, а из-за жалости над собой, для своего собственного утешения, потому что ты себя потеряла."

Мне он нужен! Мне нужен мой адресат! Будто бы от его хоть одного теплого слова моё сердце вновь оживёт, я снова увижу блики солнечного света в своей спальне. Жизнь обретет смысл, если он будет милостив ко мне.

"Она умерла. Я поставила везде в доме её фотографии и слушаю её музыку, чтобы казалось, что она рядом. Единственное, что мне остаётся – смириться и жить дальше. Моя мама была замечательным и добрым человеком, всегда

помогающим другим людям, она любила этот мир и научила меня тому же, я благодарна ей за то, что я именно такой человек, каким я являюсь. У неё очень много друзей, которые рыдают мне в трубку, говоря о том, что моя мама святой человек и не раз безвозмездно помогала им, мне так странно это слышать.

Прошли похороны и теперь, я и не знаю, что теперь, зачем мне деньги и всё, что она оставила, если её нет рядом, я не понимаю, как жить дальше, но, наверное, я смогу это пережить, и я надеюсь, что мама простит меня. Она всегда желала мне лучшее и очень сильно меня любила, и я надеюсь, что она простит.

Я думала помолиться Богу, но я почему-то не могу, я не верю, наверное, хотя последнюю неделю я почти каждый день ходила по церквям. Я представляю метель, и как мама забирала меня со школы, и мы шли мимо кладбища. Тогда ещё время переводили, но было темно, где-то шесть вечера. Каждый раз она брала меня за руку, когда мы переходили дорогу, а там грязный, но такой любимый мною снег. Ещё на одной из улиц собачка сидела на крыше одноэтажного дома и лаяла на нас постоянно.

Я написала стихотворение ей посвященное:

Явились мне позавчерашней ночью
Грёзы, всесильней всех надежд
Где я была послушной дочкой,
Где не было тех траурных одежд

*И я бродила меж деревьев,
Вдоль альбионовских лесов
И чудным дивом отзывалось пенье
Всех соек, ласточек и псов
А наяву опять цветы, – гвоздики
Несу сквозь ветер и сухие листья
Когда уж боль предстанет дикой?
Когда туман меня очистит?
Я большие мертвого не встречу...
Ни в грёзах, не спрошусь на явь
Давным давно их время лечит
С Хароном отправляясь вплавь.*

Всё самое лучшее, что могло быть в моей жизни происходило зимой...

Я ещё не до конца осознаю то, что её больше нет, ещё неделю назад для меня это были просто слова, я чувствую себя ужасно, у меня ощущение, что у меня больше нет внутренних, и я пустое тело.

Надеюсь, что с тобой все будет хорошо, главное, ты живой.

Мне так страшно, очень страшно, что я потеряю всё, что ты тоже погибнешь ты. Иррационально, но жизнь хрупкая как хрусталь, наверное. Я тебя люблю, и мне греет душу осознание, что мы друзья, мне тебя не хватает и нашей прошлой относительно беззаботной жизни, до всего, что происходит сейчас. Я говорила тебе о своей любви мно-

го раз, но мне важно, чтобы об этом знал, чтобы ты верил мне и понимал, что я что угодно ради тебя сделаю!

Кажется, что я достигла конечной точки и ни в какого Бога я никогда в жизни не поверю и в загробную жизнь тоже. Очень тяжело с этим жить. Просто я высказываю свои эмоции чувства впечатления, ощущения. Думаю, что когда-нибудь, наверное, смогу отпустить эту ситуацию, но человека нет живых... И везде смерть. Я сделала слишком мало, у меня были обязательства и ответственность, а я всё....

НАВЕЧНО ТВОЯ ВАЛЕНТИНА"

"Приветствую тебя и целую твои руки. Мне очень жаль. Я не знаю, какие слова можно подобрать, когда к кому-то приходит вечный сон...

К сожалению, часто происходит, что люди уходят из жизни, когда они не успели сделать все необходимое, когда не все цели исчерпаны, когда у них еще не остыла душа, когда не притупились чувства, когда ответственность за совершенное и за близких все еще поддерживает внутренние силы. Но думаю, твоя мама за столь короткий срок смогла совершить немало поступков, что не сотрутся в памяти многих людей еще долгое время, она принесла в этот мир многое, подарила ему свои старания, отдала себя своей миссии и близким людям, скорее всего, она не переживала об упущениях или недосказанности, ибо мало было таковых. Увы, такова

черта взросления, что люди вокруг тебя умирают, и дальше только большие утрат. Смерть повсеместна. Придется научиться жить с этим, хотя и грустно осознавать это.

Думаю, тебе должно стать легче, если прибегнуть к холодному фатализму: кто-то вообще рождён, чтобы, не загоревшись, погаснуть, хотя спасти может лишь волосок, если будет желание ухватиться. Я вспомнил отрывок из Братьев Карамазовых, где героиня рассказывала сказку из детства, там говорится о шансе спастись, про луковичку, за которую нужно ухватиться. Поскольку не захотел очернять этот отрывок, специально переписал его и отсылаю в первоизданном виде. Надеюсь, ты оценишь мои старания:

"Это только басня, но она хорошая басня, я ее, еще дитей была, от моей Матрены, что теперь у меня в кухарках служит, слышала. Видишь, как это: «Жила-была одна баба злющая-презлющая и померла. И не осталось после нее ни одной добродетели. Схватили ее черти и кинули в огненное озеро. А ангел-хранитель ее стоит да и думает: какую бы мне такую добродетель ее припомнить, чтобы богу сказать. Вспомнил и говорит богу: она, говорит, в огороде луковку выдернула и нищенке подала. И отвечает ему бог: возьми ж ты, говорит, эту самую луковку, протяни ей в озеро, пусть ухватится и тянется, и коли вытянешь ее вон из озера, то пусть в рай идет, а оборвется луковка, то там и оставаться бабе, где теперь. Побежал ангел к бабе, протянул ей луковку: на, говорит, баба, схватись и

тянись. И стал он ее осторожно тянуть и уж всю было вытянул, да грешники прочие в озере, как увидали, что ее тянут вон, и стали все за нее хвататься, чтоб и их вместе с нею вытянули. А баба-то была злоющая-презлющая, и почала она их ногами брыкать: „Меня тянут, а не вас, моя луковка, а не ваша“. Только что она это выговорила, луковка-то и порвалась. И упала баба в озеро и горит по сей день"

И правда, я тоже скучаю по нашей безмятежной, легкой жизни, когда мы могли часами проводить беседы о разных вещах.

Я просто хрустальный мальчик, который боится, что его в очередной раз надломают, потому что я никогда не умел справляться с эмоциями, они захлестывали меня и приводили в исступление. Я буду жить, покуда есть ради чего, я понимаю, что должен хоть какую-то частицу себя оставить в этом мире, что будет недостойно бесцельно бродить по земле."

"МОЙ МИЛЫЙ А.

МНЕ ВСЁ ВРЕМЯ ХОЧЕТСЯ ПИСАТЬ ТЕБЕ ПИСЬМА.

Я каждый день о тебе вспоминаю, потому что ты – это единственное светлое, что было за последний год. Уже осень. И в принципе, мне ничего боле не остаётся, потому что скучать и думать о живом человеке гораздо легче, чем о мёртвом. Вокруг меня только смерть. Я думала, как можно примириться с этой жизнью, но у меня нет особых идей...

Никто не может понять, какую боль я испытываю, и я не могу обрести поддержку ни в чём. К сожалению, или, к счастью, никто, кроме тебя не знает мои глубокие мысли и переживания. И, да, верно мне нечего ждать от этого мира какого-то понимания или сострадания, потому что то, что происходит в моей жизни – не касается никого. Это никак не смягчает боль, не нивелирует её, напротив, все мои чувства кажутся мне незначительными, словно я не имею на них права.

Я знаю, что ты меня никогда не обманывал, ничего не обещал, просто был снисходителен к моей печали, но от этого ещё хуже. Вместо любви я начинаю испытывать ненависть. Я считаю тебя самым мерзким и ужасным человеком в моей жизни! Ты знал, каково мне было переживать агонию матери, ты знал, что я была не в себе, и всё равно твоё самолюбие и похоть оказались дороже моей жизни! Ты ведь прекрасно понимал, что я люблю тебя, люблю с того самого первого поцелуя на кладбище... И ты всё равно мной воспользовался! Я же не могу отказаться от ласк того, кого люблю, какой бы не держала моральный кодекс, какие бы не были последствия. Это выше моих сил. Я получала единственное утешение от твоих ласк!

Я не знаю, чего ты хотел этим добиться, но мне было очень больно. Вообще, когда тебе разбивают сердце – это больно. Но всё равно, время, проведённое с тобой, навсегда остаётся лучшим в моей жизни... Я не смогу никого сильнее

полюбить, чем тебя, не смогу открыться никому так же, как тебе. Никто не прикасался ко мне так нежно и робко, как это делал ты, не гладил по волосам и не держал за руки. И теперь мне это совершенно не нужно. Ни от кого.

Ко мне в гости приходил старый приятель семьи, принёс мне красные хризантемы и говорил какие-то обнадеживающие слова вкупе с комплиментами, но я всё время думала только о тебе. Под конец визита он обнял меня за талию и поцеловал в щеку, сказав, что я очень красивая, что взгляд у меня беззащитный и невинный. А ты мне никогда не говорил, что я красивая!

Знаешь, если ад есть, то он на Земле. Я впервые возненавидела эту жизнь. Впервые не могу найти в себе силы любить мир. Мне кажется, что это в действительно конец моей жизни, и я попытаюсь её закончить. Если не получится самостоятельно, то я уже не знаю... Выйду ночью на трассу и буду ждать, пока меня подберут какие-нибудь интересные личности, изнасилуют и убьют. Но это как-то совсем не романтично! Слова я их жертва. Надеюсь не придётся.

И прости меня за то, что я тебе написала, мне больше некому, **Я ВЕДЬ ЛЮБЛЮ ТЕБЯ.**

Твоя? Тина"

"Приветствую тебя и целую твои руки.

Ты пытаешься воззвать к моей совести, чтобы я начал

задумываться над своим поведением, ощущал стыд и вину, и, может быть, в следующий раз я так не поступлю... Я убеждён, что люди не меняются, и ты должна это запомнить. Ты мне не безразлична, и мне больно читать о том, что ты собираешься рыть себе могилу.

Я хочу тебя увидеть. Я возьму увольнительное через две недели, как раз тогда, когда вся листва должна будет опасть, и деревья будут похожи на голые тюремные прутья. Ты читала про эксперимент Зимбардо? Он представляет собой исследование реакции человека на лишение свободы, на условия лагерной жизни и на влияние навязанной и единственно верной модели поведения в обществе. Собственно, я подопытный кролик. Я полагал, что зависимая от авторитетов и приказаний толпа – это то, что я изучил в достаточной мере, так же, как и их главарей, воющих от сладости власти. Любопытство исчерпано. Люди в своей массе едва ли мне теперь интересны.

Вероятно, я сам себе противоречу, но я испытываю чувство стыда и угрызения совести, боюсь, что мне будет тяжело говорить с тобой. Тебе не за что меня любить. Я тобой воспользовался. Ты красива. Ты действительно хотела этих слов от меня? Оправдывать себя спонтанными действиями и желаниями – полная чушь, я делал всё вполне осознанно, думаю, что ты и сама это прекрасно знаешь. Конфликт жажды похоти и совести – вот юмора.

Но, милая, не забывай о том, что в борьбе с чудовищем,

ты сама им становишься и истязаеть меня, как Цербер своими упреками. Ты по-прежнему мой Друг, а дружба – это отношения между перформативными субъектами, включая свойство этих отношений в безиерархической коммуникации, то есть равноправной. Какое равноправие есть у нас? Ты рассуждаешь с позиции выше, мы разбираем эту проблему по твоей инициативе, хоть я и не отказываюсь от своих негативных чувств из-за моего поступка, но вспоминать об этом и вовсе не желаю. Не вводи излишне драматические ноты в беседу и не будь мученицей.

Не смей умирать. Если умрёшь – навсегда останешься рабыней.

До встречи. Твой вечный друг."

...Я чувствую себя выжженным полем, маковым полем, потому что маки – мои любимые цветы. И верно, что я так себя чувствую. Кажется, что я бесконечно и навсегда одинока, что я все время глушу это возникающее чувство, я занимаю мысли любой бессмыслицей, словно боюсь жизни, времени, самой себя и одиночества. Мы приходим одни в этот мир, живём одинокими и умираем в одиночестве. Я воображала, что можно иметь близость, будь то дружескую или романтическую, и понимать Другого, лишая его чувства одиночества. Но, наверное, любовь – есть блажь, ведь невозможно понять Другого человека. Каждый человек бесконечно далёк и недостижим, его мысли, его чувства, переживания

– невозможно осознать и почувствовать, невозможно сострадать кому-то больше десятой доли. Человек всегда Другой. Адресат писал, что не знает, что следует говорить скорбящему. Незнание кроется в том, что мы никогда не поймём, что чувствует другой, мы никогда не сможем примерить на себя его чувства, а если и пытаемся, то совершаем ошибку, а после приходит непонимание и осуждение. Люди словно одну рубашку примеряют, несмотря на свой социальный статус, возраст, вес, пол. Нищему – и грязная, непорванная рубаха сойдёт, тогда как состоятельный человек даже руками не притронется к ткани; толстому – будет в пору, а с худого свалится. И так со всеми.

Почему я выжженное поле?

Потому что мне не с кем быть откровенной, потому что все – бесконечно Другие. С каждым прожитым днём я осознаю свою никчемность и страдание, что окутывает меня как белый саван. Это вечное ощущение чужестранства, вечная иллюзия, что мне нет здесь места...

Даже адресату я и вовсе не нужна. ПУСТОТА! Обещаю, что это последнее стихотворение, что я ему посвящаю:

Посмотри, я с петлёй
Одиноко стою на распутье
Я душу себя, милый мой
Цепляясь за острые прутья
Отдай мне своё дыхание
Взамен разбитой души

Ты – извечная мания
Жизни меня лишил
В поцелуях с тобой засыпая —
Крепко сжимаю шею
Псина спасается лаем —
Я терпким обманом смею
Подойди же, снимешь верёвку
С ранимой души моей
С грязной и наглой воровки
Ради последних дней
Ты уходишь – прекрасно
Не поцелуешь в лоб
Навеки буду несчастной
И под землёй – гроб

ЧАСТЬ IV

Когда становятся слышны шаги на старых ступенях и мелодии открывающихся замков – приходится вставать с грязного линолеума, пытаясь измерить число временных отрезков, шестых, четвертей, третей часов, которые были потрачены на рыдания. Я прекрасно понимаю, что, когда мы хотим приготовить вкусный грибной ужин, мы уходим за плодами природы в лес, и обязательно нужно найти съедобные, а не мухоморы с поганками. Как трапезничать с блюдами из последних? Это же не еда, а отравка получится. Как сказать умирающей, что любишь её, если в лесу нет шампиньонов

и опят?!

Нужно поступать соответственно, останавливаться на чем-то и пренебрегать остальным, но и не осуждать то, что отброшено, только потому, что эти вещи не имели счастья получить одобрение. Мне же хочется вместе отпраздновать ее день рождения в театре на Бенсале, поесть галерины и наслаждаться "Травиатой" Верди. К сожалению, вчера я ходила в оперу в одиночестве, облачившись в траурный наряд, как мне и подобает, потому что со смертью мы правда подружились, она часто ласкает меня по ночам, воодушевленно танцуя в красном свете и рассказывая о своих планах. Теперь нужно отделить шляпки от ножек и промыть их в холодной воде. На длительные временные отрезки их замачивать не стоит, поскольку шампиньоны подобно губке впитывают в себя воду.

– В действительности я не понимаю, что мне и как делать, что правильно, а что нет. Сплошной сюр, который я совершенно отказываюсь принимать!

– Поэтому ты ничего не делаешь?

– Да...

– Доченька, так нельзя. Тебе следует перестать бояться – не закрывай глаза на пугающие образы, не затыкай уши от грязи. В этом мире необходимо уметь бороться, и тебе в любом случае придётся этому научиться.

– Ты несомненно была права в этом вопросе. Жаль, теперь я говорю со стенами в пустой комнате с жёлтыми портьера-

ми. Бутылочка с техническим спиртом так и стоит на мраморной полочке вместе с бинтами.

Если же мы планируем подать шампиньоны на гарнир к мясу, то необходимо подать горячими. Не менее увлекательна возможность сделать грибной аперитив или закуску, но тогда придётся брать и мыть линолеум слезами, периодически слушая церковные колокола. Слезинок по числу больше звёзд на небе, отчего есть желание сесть на галеон и отправиться на Бенсалем, ведь оттуда не возвращался ещё ни один корабль, жаль, но и там не убежать от звона кампанилы. Я убью себя, если поверю в Бога. Нельзя! Нельзя! Нельзя! Нельзя забывать, что христианство – религия сущего высокомерия, обмана и ненависти к человеку, вербующая прощать из-за снисхождения и конфессиональной элитарности, что ещё более омерзительно, чем быть сторонницей либертинажа. "Есть немало людей, которые совершают зло только в порыве страсти. Справившись с заблуждением, их душа возвращается на путь добродетели. Вот так в ошибках и угрызениях совести проходит их жизнь, и в конце ее они уже не знают, какова же была их роль на земле. Эти люди должны быть несчастны: всегда колеблющиеся, всегда нерешительные, они проходят по жизни, ненавидя утром то, что было ими сделано накануне. Познавая удовольствия, они дрожат, позволяя их себе, и таким образом становятся порочными в добродетели и добродетельными в пороке." – утверждает герцог Бланжи, с чем я не могу не согласиться, да и ты мне

рассказывала, как терпеть не можешь верующих, которые по воскресеньям ходят в храм замаливать грехи, а в понедельник вместо опят с улыбкой продают волоконницу.

Мелодии открывающихся замков закончились, настал временной отрезок наслаждения скрипом двери и криком из приветствий. А что произошло? Ничего не произошло, но я так и не отыскала в густой лесной чаще съедобных грибов, а значит я и не смогла сказать в последние часы ее жизни, что безмерно люблю.

Остаётся связывать чётные букеты на могиле подаренными мамой ленточками и вместо волоконницы продавать засушенные в эпоксидной смоле пионы.

Когда-нибудь это может закончиться?!

Эти кошмарные наваждения могут оставить меня?!

Её не было!

Не было в комнате! Никого не было, кроме меня...

Сегодня весь день льёт дождь. Его мелкие капли нагло царапают щеки из-за сильных порывов ветра. Осенью и зимой жизнь всегда немного замирает, так и я чувствую, что мне становится все хуже и хуже. Когда я видела зелень листьев или хотя бы её яркие желто-красные краски, то ощущала незримую и невесомую поддержку природы, тепло и ласку солнечных лучей. А теперь – непроглядное серое небо, все покрытое противными воздушными массами, сулящими один лишь мрак на последующие месяцы.

Я стою около его дома и тяжело вздыхаю, оглядываясь по сторонам. Он живёт на спуске, от того дождём и размыло всю дорогу, а старая советская дорога и вовсе давно превратилась в неясное месиво из кусков бетона и прорывающихся сквозь них корней деревьев.

– Я ужасно рада тебя видеть! – кричу я, когда, наконец, встречаю его после долгой разлуки.

– Как ты себя чувствуешь? – он кивает мне и достаёт ключи от подъезда. – Всё ещё держишь на меня незримую обиду? Почему ты не сказала об этом сразу, а решила поистерить?

– Ты ушёл и оставил мне клочок бумаги с надписями. Тем более в первое время я действительно была счастлива.

– Тогда зачем все эти претензии? – адресат нажимает цифру восемь на табло в лифте – Мы друзья.

– Друзья, – смиренно отвечаю я. – Как служба?

– Ничего не происходит. Это совершенно уныло. Недавно мне снилось, что меня пыталась совратить повариха, у которой я как-то оказался в квартире, там её муж – преподаватель философии. У него пальцы напоминали большие грибы, были по цвету, как мухоморы, с красными -шляпками, и пахли также – как грибной суп... А потом я остался в городе с кучей денег и стал их прожигать, не он мне их дал... Я его понижал только. Он был сторонник чего-то незначительного.

– Забавный сон, – устало заключаю я, наблюдая как он

открывает дверь.

– А тебе что-нибудь снилось за последнее время?

– Было наваждение, что мы с мамой готовим грибной ужин. Странное ощущение. А сны... Снилось, что я иду по улице, озаренной ярким, но мягким солнечным светом. Знаешь, летнее закатное солнце?

– Конечно.

– Я иду вдоль старой незаасфальтированной дороги и чувствую гармонию, будто бы сейчас поеду в сад собирать черешню. Через мгновение ко мне подбегают собаки совершенно разных пород: начиная от алабая, заканчивая болонкой. Они лижут мне руки, лапаются и виляют хвостами. Но как только село солнце – их радость исчезла. Они напали на меня и растерзали. Я словно воочию видела, с какой страстью они поедали мои кишки.

– Неприятный сон, но я бы такой посмотрел, – он по-доброму улыбается. – Присаживайся на диван.

Он живёт в небольшой квартире, окна которой выходят на юг, и, если присмотреться можно увидеть реку и противоположный пустующий берег. Я думаю, что по ночам он часто слышит шум поезда, ведь железная проходит буквально рядом с водоёмом. Помимо мрачной погоды, в комнате тоже достаточно темно, вероятно, адресат не любит слишком светлые пространства. Я не могу спокойно сидеть на месте, ощущаю перманентную дрожь, от которой дыхание сбивается. У меня появилась мысль, что я обожествляю адресата,

как это делали древние люди со своими правителями, давая им право на власть с помощью жреческой культуры – тот же Саргон Древний или Хаммурапи. Я превращаю своего возлюбленного в миф и нечто непоколебимо прекрасное. Получается, что я приняла его как мифического Бога, Аполлона или Амура, значит я принимаю его полностью, помня о всех его отвратительных чертах личности. Полагаю, что обожествление гораздо глубже, чем обычная романтизация или идеализация, – это чистая любовь.

– Меня обычно обвиняют в эгоизме и инфантилизме, но хочу сказать, что это ты ведёшь себя подобным образом. При невзаимной любви я не обязан сносить тебя только потому, что ты испытываешь ко мне высокие чувства. Это превратит тебя в рабыню. В твоём случае любовь не является сама по себе, а становится требованием любить в ответ.

– Я прошу тебя любить меня в ответ?

– У тебя неоправданная ярость, – строго говорит он. – Я её чувствую. Ну, впрочем. Это всё банальный эгоизм. Ты не хочешь безусловно любить – ты требуешь, чтобы любили тебя в ответ и принимали твою жертву, тебе плевать, что чувствует и думает любимый человек.

– Мне не плевать, что ты чувствуешь и думаешь... Сущность любви, дружбы, любых адекватных взаимоотношений в принятии другого, таким как он есть, без подстроек и лжи. Я не имею права лишать тебя отказа, обесценивать твой выбор и волю. Я желаю тебе только добра и света с мимолет-

ной темнотой, ведь без неё не обойтись. Твой подход к любви невероятно материалистичен и циничен, словно в жизни есть незримый баланс, и я его нарушила своей страстью. Я думаю, что чувства невозможно контролировать в зависимости даже не столь от своего желания, а от желания другого отвергнуть тебя. Это звучит так, что если я люблю тебя, а ты меня – нет, то я должна разлюбить тебя.

– Ты хочешь, чтобы я принял твой дар, который мне не нужен, и стремишься его всучить. К сожалению, это эгоизм, скрывающийся за любовью. Знаешь почему? Единственное условие, по которому я мог бы принять твой дар в том размере, какой ты желаешь, – при ответных чувствах. Любви при взаимном условии, потому что любовь – требование от другого быть тем, кем он не является, оттого она хуже дружбы, она обнажает патологическое стремление и вытаскивает все спрятанное. И принять тебя, влюбленную так сильно, значило бы мне отказаться уже от части себя и утратить личность, которая выражает тревогу, упакованную в жалость.

– Я не могу воспринимать любовь как дар, – тихо говорю я, сдерживая слёзы. – Потому что дар – нечто внешнее, тогда как любовь в моем понимании имеет иную специфику. Ты мыслишь так, будто любовь может быть сделкой и пытаешься мне это объяснить.

– А что же тогда любовь?! – он возмущается и садится рядом со мной. – Я даю психоаналитическую интерпретацию, а тебе, возможно, здесь свойственен идеализм.

– Новоэтическую, – я смеюсь.

– А что для тебя любовь?

– Я устала. Неужели писем тебе было мало? Зачем мы говорим об этом? Я не хочу больше говорить...

– Потому что ты снова боишься опровержения и осознаешь слабость своей позиции, ведь она заставит тебя усомниться в собственном страдании, которое каждый человек переоценивает.

– Ты мной манипулируешь и провоцируешь на конфликт через косвенное унижение, – громко говорю я и начинаю ходить по комнате. – Тебе стоит научиться уважать чужие позиции в столь сложных вопросах, как любовь, и не пытаться заставить интерпретировать всё в систему, хотя бы по одной причине – отсутствию универсальности.

– А тебе – чуть больше разбираться в себе и не прятаться за страданиями, природу которых ты не желаешь осознать из-за сопротивления собственного мышления, и перестать выдавать свое воображение за истину, потому что это не более, чем страх и паническая защита эго. Или, иными словами, бегство от идеи, которая может изменить твою позицию и сделать тебя другой. Это самая обычная реакция, за изнанку которой ты не хочешь глядеть. Ты принимаешь мир за черный и белый, не желаешь синтезов, не желаешь понять, что и почему. Это – ограничение. И, повторяюсь, любовь разная, но механизм один и тот же, хотя описывать его можно с разных сторон. По крайней мере, в нашу эпоху, – он оста-

навливает меня и нежно берет за руки, пытаясь поймать мой растерянный взгляд.

Я молчу. У меня больше нет сил спорить с ним. Адресат аккуратно сажает меня обратно на диван и садится рядом, не отпуская моих холодных рук. Он сжимает их слишком крепко, но я терплю, потому что любой его прикосновение ценно для меня. Что есть любовь? Христиане настаивают, что любовь, занятие благотворительностью, трепетное отношение к миру и окружающим способно исцелить и спасти. Под спасением, вероятно, предполагается не только обещанный рай, а спасение от мирских невзгод и возвращение любви любящему. Если любовь возвращается, значит ненависть, эквивалентно и с любыми иными чувствами, – всегда будет возвращаться. Подобным образом и справедливость существует, ты получаешь то, что отдаёшь. Любишь Бога – он тебя тоже, через молитвы благословение и милость получишь. Любишь человека и он не может ответить злом на любовь. Но нет. Это вовсе не так. Все, что происходит со мной, тому доказательство.

Любовь не возвращается! Ничего не возвращается! Всё вокруг заставляет меня страдать от разрушения всех моих убеждений. Я думала, что любовь вытянет меня из скорби, тоски и ужаса. Я думала, что умение любить, поистине отдавать себя Другому человеку – это хорошее умение, то чего многие лишены, то чем стоит гордиться, ведь многие люди даже учиться любить не хотят, они путают любовь с одер-

жимостью, либо еще с какой-нибудь формой привязанности. Любовь – это уважение целостности Другого.

Я не хочу ни слова говорить ему больше.

Это стена.

Моя любовь – это слабость.

Осознание, болезненное, грубое, на которое я злюсь прямо сейчас, мне горько и больно его принимать. Хочется скулить и выть как собака, как эта самая псина, что покидала дом, оставляя больную мать одну в своих страданиях. Осознание того, что любовь – это плохо, это слабость, коей другие с радостью пользуются. Любовь меня губит, это осознание пугает меня, словно я всю жизнь жила в тумане, но теперь он рассеивается. Мне не нужно было Солнце столько лет, я бродила в тумане...

– Я бы мог начать скрывать свою позицию, чтобы устроить какие-нибудь терапевтические ходы и чуть больше пояснять, вызвать доверие, но мне это не нужно. Не вижу смысла сглаживать и прятаться, потому что я не считаю тебя рабыней, и полагаю, что твои реакции обострены печальной ситуацией, да и, в целом, ужасной действительностью. Но ты не пытаешься понять механизмы, превзойти и поставить под контроль, а просто обороняешься, будто на тебя коршун напал.

– Опять манипуляции, обесценивание и завуалированные унижения, – я с отчаянной злостью вырываю руки и встаю с этого проклятого дивана. – Когда кто-то с тобой не хочет

соглашаться и не воспринимает твои аргументы ты решаешь все абсолютизировать и нагонять ужас.

– Какая же ты глупая! – он кричит на меня. – Слепая и глухая! Ты настолько сильно упиваешься своим страданием, даже моешься, вероятно, этими никчемными и пустыми слезами от жалости к самой себе. Ты защищаешь своё эго. Тебя волнует лишь твоя собственная выгода, а её вполне себе можно черпать из страданий, составляя себе определенный макет поведения жертвы – так всегда обстоятельства и общественное мнение будет на твоей стороне, так как, ты – неспособный к воле субъект, лишенный ответственности за происходящее, принимающий статус-кво. Иными словами – ты закобалила себя и как обыкновенное животное пытаешься выжить, разыскивая себе пропитание. Вот только что пропитание твоё – слушать, как тебе ещё один слабый раб страдает, или как кто-то тебя жалеет.

– Я далеко не тот человек, который может претендовать на жалость, так как это чувство предполагает обесценивание всех моих переживаний, жизненных развилочек, опыта и стремления к жизни, – низвержение всего вышеперечисленного к бесконечному страданию, за которое и жалеют. Это тошнотворно и оскорбительно! Жалеть можно умалишённых, детей в детских домах, рабов, не знаю, людей без субъектности и здравого рассудка. Жалость, помимо прочего, – снисхождение, отсутствие восприятия как равного, помещение на более нижнюю ступень в иерархии.

– Жалость возникает от бессилия. Когда ты хочешь помочь, но не можешь, поэтому ее испытывают к самым низам, к рабам, инвалидам, даже к котяткам, каких нельзя приютить, и к людям, каких мы не можем любить и вынуждены наблюдать за их стенанием в невзаимности. Жалость обидна, так как вынуждает признать собственное бессилие, а никто не хочет таким быть, кроме совсем страшных меланхоликов.

– Невзаимность – это не страдание. Если ты любишь, то не рассчитываешь на сделку, ты принимаешь то, что есть, и здесь неоткуда взяться страданию.

– Ровно до того момента, пока не понимаешь, что твоя жертва не нужна. Или твоя нежность, искренность, помощь, забота, разговорчивость.

– Ты опять со своими сделочными и материалистичными определениями. Любовь к тебе – это часть моей личности, а не жертва или дар.

– Это действительно часть твоей личности, которая набухает, и все скрытые желания и стремления доходят до абсолюта, – более мягко говорит он. – Если честно, я не считаю твою любовь чем-то ужасным в прямом смысле, я считаю ее тем, чем она является, по ее функционированию. Любовь может быть свободой от мира и собственной личности, тягости, конфликта, но ровно до того момента, пока ты убеждена, что от тебя принимают все, что ты даёшь.

– Ты считаешь ее чем-то внешним, – я чувствую, как мои ноги подкашиваются.

– Я должен принять тебя, взять к себе, это и называется дар.

– Это материализм.

– А ты в Бога поверила? – он задорно смеется.

– Я никогда не верила в Бога!

– А что ты желаешь? Идеализма? Пантеизма? Спекулятивного реализма?

Шум. Шум. Шум!

У меня рябит в глазах. Я поворачиваюсь и вижу ангелов в прекрасных белоснежных бархатных одеяниях, украшенных жемчугом и бриллиантами. Они невинно летают по мрачной комнате адресата, освещая собой пространство. Я смотрю на них и дыхание замирает, сердце не бьётся, даже не чувствую своего тела. Может быть они заговорят с нами?

Лучше не начинать диалог самой, а дождаться, когда кто-нибудь из них первым заговорит с нами. Я сама боюсь, оглядываюсь на адресата, который с легким беспокойством разглядывает меня. Ангелы молчат, разве что иногда ласково смеются, когда играют друг с другом в прятки в комнате. Здесь слишком темно! Может быть это от того, что адресат выбил все лампочки? Или он выключил свет... Но все лампочки и правда выбиты. Единственный свет – от этих летающих тварей. Можно бесконечно представлять их в другом облики, лишать их белизны и злосчастного блеска, срывать

с бархата жемчуг, заменять его сапфирами или, думаю, даже лучше – рубинами, как кровь, которая сочится из незаживших ран, как закат, предвещающий холодный и пронзающий ветер.

Честно признаюсь, весной я думала, что если попросишь у Бога помощи, то он обязательно отзовется, погладит по голове и будет шептать на ухо: «Я переживаю за тебя, дочь моя». Сопрано ангела и сияние, что излучают его светлые глаза, должны были остановить меня, снять с подоконника на пятом этаже, чтобы я перестала мечтать о том, как упаду на голый асфальт, нагретый солнечными лучами за целый день. Сияния не хватило, поэтому темнота и мрак, царящие вокруг, толкают меня вниз.

Я тяжело дышу и судорожно оглядываюсь вокруг.

Мама! Она была на балконе! Точно! Мама стояла и ждала меня на балконе адресата! Дверь же закрыта, как она могла войти иначе?! Я хочу упасть в нее объятия, вновь ощутить на себе прелесть и нежность ее рук, то ее привычное тепло, запахи кремов, духов, что оседали у нее на коже. Хочу ощутить ее физическое присутствие! Она стоит на балконе, я уверена в этом! Думаю, что если она уже встретилась со смертью, то и мне вовсе не страшно тоже встретиться с нею. Нужно дружить. Конечно, дружить...

Ангелы так ярко сияют, что их свет пронзает разум, пытаются заглушить тьму, застывшую в сердце, торопится прочесть мысли, а я не могу быть быстрее! Молотком я хочу вы-

бить все лампочки в комнате, перерезать провода кухонным ножом, засунуть вилку в розетку, но ангелы смеются, танцуют и всё так же излучают этот омерзительный свет.

– Валентина! Что ты, черт возьми, делаешь?! Зачем ты лезешь к люстре? – с недовольством спрашивает адресат.

– Выключить свет хочу, – отрывисто говорю я, наблюдая за тем, что ангелы исчезли.

– Есть выключатель.

– Прости.

– Можем выйти на балкон? Подышать свежим воздухом?

– Да, конечно, – облегчённо говорит он и со спешкой открывает дверь.

Темнеет совсем рано. Я уже заранее отложила свою идею: посмотреть на звезды, потому что небо всё ещё заволочено серой пеленой. Холодный воздух обжигает легкие.

Адресат никогда не скажет этих слов, потому что это ложь. Но это та ложь, которую я хотела бы услышать: «Я не знаю, с чего начать и как бы я мог искупить вину за все те проступки и опрометчивые фразы, какие бросал наутек. Я был тотально несправедлив, я был зол, я был взбешен, но не с негативной, даже злобной стороны, а поскольку во мне таился грандиозный секрет, тяжелейшее бремя, какое я страшился открыть и быть непонятым. Дело в том, что я всегда, когда смотрел на тебя, меня будто бы лезвиями резали, отчего я, пытаясь шутить, стремился лишь принизить тебя, уни-

чтожить идола, какой ковался в застенках души – необходимо низвергать то, что тяжело выдержать, что ломает хребет, поскольку громаднее, чем ты И чувство, постепенно зревшее во мне, все больше обволакивало с течением времени: грозная, грубая и душераздирающая неизбежность разрасталась во мне, по мере чего мое поведение искажалось и, кажется, я достиг пика, во время которого все надломилось. Я перебрал. Я повел себя совсем отвратительно и ныне, оторванный от тебя, изнемогаю. Очевидно, что продолжать так я не могу и не желаю, поэтому то, что было бременем, ярмом, я желаю оголить: я люблю тебя, Валентина, ровно с того момента, как мы вместе бродили по кладбищу. Что-то внутри зародилось, произвольно, случайно, наобум – как всякий злой рок настигает в максимально неподходящую минуту. Тогда твои обворожительные темные глаза впервые вспыхнули во мне и всю ночь я мучился. Очевидно... Точнее, тогда мне было очевидно, что признаваться в любви – ожидать трагедии, страдания и драмы. Мне было приятно с тобой общаться и иначе, не только из-за чувства. Я решил, что единственный вариант – загубить, что цвело во мне, но ты все больше и больше, все сильнее и сильнее воплощала нечто абсолютное, что внутри я старался возненавидеть, так как это обрекало меня на страдания. Тем не менее, все итак разрушилось, осталось лишь взывать к тебе уже в полной искренности, прося прощения за все грубые акты, какие я совершал по глупости, от бессилия, от остервенения, от страха непри-

нятия. Я люблю тебя, и, говоря лишнее, я был в страшном трепете, словно святотатствую, словно возношу молот над чудной иконой. В ночи снова и снова о брошенных невольных словах, каждая гадость прилипала ко мне, я знаю все досконально, что говорил. Это попытка, что я позволял себе быть таким по отношению к тебе. Прости. Я больше не буду, ведь теперь ты знаешь.»

...Это всё могло закончиться иначе, совсем иначе, но, к сожалению, именно жалость адресата и мой страх перед жизнью и перед ним, что перешёл в упоение, уничтожили всё. Мы могли быть другими людьми, лишенными всех тягот, могли бы быть друзьями уж точно, но почему-то всё обернулось исключительно в крах, будто это гадкое провидение, и никогда не будет света, только глубже и хуже, что, кажется, записано в нашем естестве. Трагическая, тягучая минорная нота, которую не выбить из мышления. Мы все больны и не знаем счастья и умеем только убегать...

– Тебе не интересно было бы сыграть роль, в рамках которой ты доходишь до грани реальности и сцены, когда ты убиваешься, вредишь себе, рвешь волосы на голове, бьешься головой о пол? – вот, что он спрашивает вместо того, что я хотела услышать...

– Нет, это скучно. Слишком легко.

– А что тогда интересно?

– Я придумала новое четверостишие, – я нежно и беззаботно улыбаюсь. Последний раз.

– Какое же?

– Оскопили Солнце. Теперь оно – лёд.

В вихре метели танцует гавот.

Мелодия бьётся! Не сердце, не дух!

Милое Солнце, свет снова потух!

Мне безразлична его реакция на никчемное четверостишие. Одним рывком я перепрыгиваю через балясины, удерживающие перила балкона. Последнее, что суждено мне увидеть – темноту дождливого осеннего неба...